

во зборе не чти, ни многим являй»)).⁷⁴ Кроме Музейской рукописи фрагменты сходного текста имеются еще в одном сборнике первой четверти XVIII в. (ГИМ, собр. Щукина, № 1077). Здесь имеется текст «У кого сердоболь на чужой стороне» (соответствующий первым вратам двух других рукописей) и заглавие 16 врат «У кого приятел на чужой стороне». Однако начинаются эти мелкие геомантические отрывки особой главой «О всяком деле — збудется или нет». Текстологическая связь всех трех гадательных сочинений несомненна, в то же время содержание аналогичных глав (особенно тексты ответов) очень сильно варьирует. Интересно, что имеющиеся в рукописи Десницкого и Музейского собрания указания на то, какие дни «месяца небесного» благоприятны для гадания, обнаруживают больше несовпадений, чем соответствий. Тексты рукописей Музейской и Щукинского собраний привлечены при публикации второй книги Рафлей в качестве вариантов.

Текст книги Рафли подвергся сильной русификации, что прежде всего выразилось в привнесении христианской фразеологии. Значительное число христианизированных текстов несомненно связано с творчеством Ивана Рыкова, так как сопровождается обращениями к кир Иоанну. Возможно, христианизация текста Рафлей связана исключительно с деятельностью Рыкова. В двух случаях он вводит в текст ссылку на семь вселенских соборов (л. 10 об., л. 27). Такая ссылка может рассматриваться как прямой ответ на обвинение Стоглавого собора, в котором книга Рафли и другие подобные сочинения названы «богоотреченными святыми отцы, семь соборы».⁷⁵ В специфических гадательных текстах, истолковывающих значение предсказаний, христианская фразеология редка, но все же встречается: «...помолися спасу Иисусу Христу да откроет все дело твое явно» (одиннадцатые «святцы арапские», л. 53): «...христов врач и помозитель» (48 врата, л. 94).

Нельзя исключать того, что в сознании Ивана Рыкова совмещались христианское благочестие и приверженность к сокровенным знаниям. Вместе с тем вероятно и использование христианской фразеологии в целях своеобразной маскировки. Примеры такого рода в древнерусской письменности известны. В русской переделке XVI в. западноевропейской астрологической статьи говорится: «...и о сем прекословие несмысленных принуди мя от божественного многословити, неискусни бо суще о святом писании и ведения священного благочестия прекословят».⁷⁶ Мистификацией представляется и православное предисловие к «Псалтыри Федора Еврея».⁷⁷

Рассмотрим некоторые фрагменты текста, в которых можно видеть русский (или, по крайней мере, — восточноевропейский) колорит. Врата 63 (л. 100 и об.): «Коли хощеть познати, грамотник ли сын будет». Возможные ответы: «Не быть в попех, в диаконах и умрет»; «Не бывать попом, будет у места сидети дяком»; «Поп будет честен, а жить в монастыре»; «Будет славен и богат поп и страшен (!) в людех». Врата 42: «Кто сидит в заточении, скоро ли ему будет выпуск, или не будет». Возможный ответ: «Ох, горе тебе, брате, бедному, будет скончатися от огня палящего в струбе» (л. 90 об.). Врата 62: «Не будет ли год сей белки» (л. 73 об.). Врата 60: «Разсмотрим, в кой день сладко ясти». Вариант ответа: «Среднее язь — хлеб да капусту, шти, квас, воду...» (л. 99).

В связи с русской лексикой книги Рафли значительный интерес представляет заглавие двенадцатых «арапских святцев» с упоминанием

⁷⁴ Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, М.; Л., 1964, т. 17, с. 155.

⁷⁵ Стоглав, с. 188, 189.

⁷⁶ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси..., с. 132, 133.

⁷⁷ Сперанский М. Н. Псалтырь жидовствующих в переводе Федора еврея — ЧОИДР, 1907, т. 2, отд. 2. с. 1—22.